

В. Г. БЕЛИНСКИЙ*

Статья П. И. Лебедева-Полянского

I

Тургенев в своих воспоминаниях назвал Белинского «центральной фигурой» эпохи, поскольку гениальный русский критик поставил перед общественным сознанием своей страны основные вопросы ее судеб, с исторической неизбежностью вытекавших из ее развития. И не только поставил, но и сумел разрешить их, насколько позволяли условия того времени. В критике и истории русской литературы не раз отмечалось, что «Белинский был не только свидетель, но и судья целой замечательной эпохи в истории нашего развития; он пережил ее, как никто из его современников, так как ни один из них не обладал в такой степени способностью откликаться на все самые разнородные вопросы духовной и материальной жизни, — вопросы, которые приходилось тогда не только обсуждать, но угадывать, намечать и ставить». По свидетельству Тургенева, великий критик «чувствовал русскую суть, как никто», он «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне» и «ни один из его товарищей-наставников не был в состоянии заменить его, делать его дело».

Плеханов в своих работах о Белинском со всей силой своего таланта показал, что великий русский критик обладал чутьем «гениального социолога». Выражая настроения крепостного крестьянства, критик, лучше чем кто-либо из его современников, понял путь общественного развития России и указал, что «самый живой» вопрос современности — уничтожение крепостного права и свержение самодержавия.

Статьи Белинского — ценнейший исторический документ.

В своей работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в страдала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XXV, стр. 175).

* Последняя статья, над которой работал Павел Иванович, была посвящена Белинскому, чье имя, наряду с именами Чернышевского и Добролюбова, всегда находилось в центре исследовательского внимания покойного ученого. Статья, писавшаяся осенью 1947 г., осталась незавершенной. В архиве П. И. Лебедева-Полянского сохранилась черновая и незаконченная рукопись первой части этой работы, а также ряд выписок и набросков, относящихся к ней. Печатаемый здесь текст смонтирован из этих материалов.— Р е д.

Ленин не упоминает здесь имени Белинского. Но, датируя начало поисков «правильной революционной теории» в России сороковыми годами, Ленин имеет, разумеется, в виду и Белинского, доля которого в этих исканиях и в этих страданиях была столь велика. Не кто иной, как именно Белинский, одним из первых «выстрадал» на русской почве переход от идеализма к материализму. Причем, если в Западной Европе этот процесс занял ряд десятилетий, то Белинский свершил его в тридцать лет.

Путь развития критика определялся всем своеобразием русской исторической жизни той эпохи. По характеристике Герцена, это была эпоха «внешнего рабства и внутреннего освобождения». Противоречия русской действительности, естественно, отразились и на всей деятельности критика. Развитие Белинского шло путем сложным и бурным; это был процесс страстных исканий, колебаний, нравственных терзаний, но это был непрерывный и верный путь от «идеализма к материализму, от романтизма к реализму». «Его противоречия и изменения мнений, — писал А. Григорьев, — могли казаться противоречиями и изменениями только людям, действительно ограниченным в его эпоху. Для него самого, для его учеников, т. е. для всех нас более или менее, это были моменты развития, моменты стремления к истине». Преодолевая идеалистические системы, отталкиваясь от них, проникаясь материалистическими идеями, а главное глубоко и всесторонне понимая исторический путь своей страны, критик указал, что России суждено великое будущее, что она скажет миру свое великое слово и встанет во главе цивилизованного свободолюбивого человечества.

По своей натуре Белинский был боец. Ему нужна была такая трибуна, с которой он мог бы «огненными словами и живыми образами» обращаться к самой широкой народной аудитории. Критик горько жаловался: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велют мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи» («Письма», III, 184). Несмотря на это, Белинский все же выразил свою, по словам Герцена, «самую революционную натуру» как в статьях, так и особенно в письмах, а также в беседах и спорах с друзьями. Недаром комендант Петропавловской крепости, генерал Скобелев, цинично спрашивал критика: «Когда же к нам, у меня совсем готов тепленький каземат, так для вас и берегу». Недаром князь П. А. Вяземский, ярый враг Белинского, дал критику такую характеристику: «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах» («Русский архив», 1885, № 6, стр. 317—318).

Стасов, характеризуя идейное могущество критики Белинского, вспоминал: «Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в том не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники» (В. В. Стасов. Соч. Т. III, СПб., 1894, стлб. 1681).

Белинский был литератор, критик, всю свою жизнь он слил с литературой, литература для него была отражением жизни, даже «самой жизнью», как он иногда писал. В литературно-критическую деятельность он вложил весь свой гений, всю свою пламенную, страстную ненависть к поработителям и угнетателям народа и всю неугасаемую любовь к народным массам.

Критик признавался: «Я душевно люблю православный, русский народ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе...» (II, 343). Вдумываясь в историю своей страны, он видел, что «дух народный был велик и могущ», что Россия, несмотря на свою молодость, кипит умами и талантами. Любовь Белинского к родному народу особенно ярко и страстно сказалась в знаменитом зальцбрунском письме критика к Гоголю по поводу его «Переписки с друзьями». Полный гнева, Белинский внушал автору этой реакционной антинародной книги, что у русского народа «слишком много... здравого смысла, ясности, положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем» («Письма», III, 233—234). А это будущее критик представлял себе величественным.

«Нам русским, — писал Белинский, — нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении». Мы «выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...» (X, 401). И Белинский предсказывал, что это новое слово скажут внуки. Он был убежден, что назначение русского народа в том, чтобы «слить в себе все элементы всемирно-исторического развития» и возвестить миру приход новой, светлой и лучшей жизни. «Завидуем внукам и правнукам нашим, — писал он, — которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Со всей силой своей мысли и страсти Белинский наносил удары самодержавно-крепостническому порядку, который не только задерживал историческое развитие русского народа, но и калечил его характер, подавлял таившиеся в нем великие творческие силы. Ненависть к самодержавию и крепостничеству сказалась уже в юношеской драме «Дмитрий Калинин», написанной Белинским в студенческие годы. Произведение это не отличалось художественными достоинствами, не было в нем и политической программы, но ненависть к существующему строю, защита свободы и независимости человеческой личности были выражены со всей остротой и страстностью. Драма была признана Московским университетом «опасной», автору грозили ссылкой в Сибирь и лишением всех прав состояния.

Любовь Белинского к народу требовала своего активного выражения, а для этого нужны были научное мировоззрение и ясная политическая программа. В своей литературной деятельности критик сформулировал то и другое.

Ф. Энгельс однажды заметил: «Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, пришлось изобретать, создавать из головы» («Развитие социализма, от утопии к науке», М., 1940, стр. 42). Во времена Белинского Россия только еще становилась на путь капиталистического развития. И все же критик сумел подняться на такую высоту философской, экономической и историко-политической мысли, что Ленин назвал его имя в ряду предшественников социал-демократии, указывая тем самым, что в мировоззрении критика уже наличествовали такие элементы (материализм и диалектика), которые в своем дальнейшем развитии неизбежно должны были привести к теории диалектического материализма.

Белинский много и пристально изучал историю русского народа, его характер, быт, нравы, верования. Большое внимание он уделял народному поэтическому творчеству, полагая, что в нем наиболее свободно и глубоко

выявляется душа народа. Одновременно он изучал и овладевал культурой Западной Европы, ее философией, эстетикой, литературой, историей. Сравнивая свою страну, находившуюся под игом крепостнического рабства, с передовыми тогда странами Западной Европы, Белинский видел, что Россия, в силу ряда исторических обстоятельств, особенно в силу пережитого татарского ига, задержалась в своем развитии. Остановив монгольское движение на Западную Европу, приняв весь удар на себя, русский народ тем самым защитил европейскую цивилизацию. В то время как Россия жила еще в условиях крепостного права, в ряде западноевропейских государств уже сложились зрелые капиталистические отношения и соответствующие им формы государственного и общественного строя. Поскольку русская действительность не давала ответа на ряд вопросов, мучивших передовых русских людей, они обращались к опыту Западной Европы. Еще в тридцатых годах критик писал: «В это десятилетие мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы». При этом Белинский подчеркивал, что русский человек, изучая чужое, «кладет тип своего гения на свои заимствования», что русский человек «никогда не подражал, а только брал из-за границы формы, оставляя там идеи и одевая в эти формы свои собственные идеи» (II, 344), никогда не утрачивая своей самостоятельности и самобытности. Блестящим доказательством этого является умственное развитие самого Белинского. По воспоминаниям Тургенева, критик говорил, что «принимать результаты западной жизни», разумеется, следует, но при этом надо учитывать особенности нашей «природы, истории, климата» (И. Тургенев. Собр. соч. Т. XII, 1898, стр. 38). Белинский, по словам Тургенева, настаивал на критическом отношении к Западной Европе и ее культуре. И это понятно: он видел не только то, в чем Запад превосходил Россию, но и в чем он значительно уступал ей уже в ту эпоху. Белинский даже бросал гордый и дерзкий вызов передовым демократическим странам того времени, восклицая: «Пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздно», но умеет ли западноевропейский ученый «возвышаться до мировых идей», способен ли западноевропейский гражданин «нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные интересы?» Критик предупреждает, что вне этого всякая цивилизация бесплодна, «нравственность подозрительна», подразумевая под последней общественный строй. Обращаясь к русскому обществу, Белинский говорил, что со временем будет у нас и промышленность, и прекрасный транспорт, но не в этом главное — прежде всего нужен «настоящий» человек и совершенный общественный строй.

Враги критика, в борьбе с ним, не раз издевательски называли его «недоучившимся студентом». В действительности Белинский был одним из образованнейших людей своего времени, а в области своей специальности — литературы был образован как никто другой и к тому же обладал исключительным эстетическим чутьем. Как человек гениальный, он не просто собирал факты умственной и общественно-политической жизни Западной Европы, а все взвешивал, оценивал, многое оспаривал, многое отбрасывал, а то, что, по его мнению, могло быть полезно развитию России, органически перерабатывал и вносил в сокровищницу русской культуры. Владея основными высшими достижениями своего национального и мирового культурного развития, прекрасно зная настоящее своей страны и Западной Европы, Белинский неустанно смотрел вперед, в настоящем отыскивал ростки будущего. Когда же ошибался, быстро свои ошибки исправлял, не падя своего самолюбия, и всегда оставаясь честным перед самим собою и перед обществом.

Изучением мировоззрения Белинского очень много занимался Плеханов. Несмотря на ряд положений, с которыми нельзя согласиться в наше вре-

мя, он прав в общей оценке личности и деятельности Белинского. Как известно, великие русские демократы Чернышевский и Добролюбов считали себя прямыми продолжателями дела Белинского, относились к нему с величайшим уважением, старались популяризировать его идейное наследие, оберегая последнее от попыток ложного толкования. Однако Плеханов указывал, что «при всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому, Чернышевский, Добролюбов и их единомышленники не были в состоянии оценить во всей ее полноте роль Белинского в истории нашей общественной мысли». «Им мешала в этом случае отсталость современных им общественных отношений России», — указывает Плеханов и говорит:

«Только тогда, когда развитие этих отношений значительно подвинулось вперед, только тогда, когда сама жизнь свела на конкретную, — т. е. экономическую, — почву великий спор между славянофилами и западниками о том, по какой исторической дорожке суждено идти нашему отечеству, — только тогда явилась, наконец, возможность дать всестороннюю оценку литературной деятельности Белинского. Только тогда стало ясно, что Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, но также обнаружил изумительную проницательность в постановке, — если не в решении, — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития. А когда стало ясным это обстоятельство, тогда само собой выяснилось и то, что уже недостаточно сказать о Белинском: «до сих пор влияние его литературной деятельности чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного», тогда стало очевидно, что к этому необходимо прибавить, что и до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской действительности» (Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. XXII, стр. 166—167).

В наше время, когда Россия стала страной социалистической, советской и вступила в фазу строительства коммунизма, поправка Плеханова к суждениям Чернышевского уже недостаточна. Историческое значение великого критика выявилось еще ярче и не только как русского Лессинга, не только как гениального социолога и основоположника русской классической философии, но и как предшественника русской социал-демократии, по определению Ленина.

Теперь мы можем сказать с большей твердостью и широтой, чем сказал Плеханов, что, доживи Белинский до нашего времени, он «с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал» бы социалистическую родину и «искренне позавидовал бы тем счастливым», которые призваны это отечество укреплять, неся человечеству новую жизнь.

II

Ленин в своей работе «Что делать?» учил, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...» (Сочинения. Т. IV, стр. 380—381). Действительно, Белинский придавал теории исключительное значение. Эту теорию он,

прежде всего, усматривал в философии, конечные обобщающие выводы которой покоятся на последних достижениях науки и фактах действительности. Критик прекрасно видел, что не всякая теория, не всякая философия, которая господствует в жизни, способствует разрушению старого мира, а тем более созданию нового общества.

Белинский стремился создать и создал такую философию, которая наилучшим образом в те времена выражала интересы и настроения крестьянских масс, трудового народа. Вся литературно-критическая деятельность Белинского свидетельствует о том, что теорию он не мыслил в отрыве от практики. Когда оказывалось, что теория противоречит действительности, не служит интересам народа, он отбрасывал ее; терзаемый нравственными мучениями, он искал новые принципы, которые удовлетворяли бы его требованиям служения народу.

Мысль Белинского обладала исключительной силой обобщения. Это видели современники критика. В. Ф. Одоевский утверждал, что Белинский «был одною из высших философских организаций, какие он когда-либо встречал в своей жизни». То же самое свидетельствует и Герцен, когда, говоря об отношении критика к диалектике Гегеля, пишет, что Белинский понял диалектический метод лучше, чем «все схоласты, изучавшие его до потери волос и сознания».

Однако в философии Белинского интересовали не системы сами по себе, а то, какой ответ они могли дать на стоявшие перед страной основные вопросы ее развития. Тургенев, вспоминая те времена и бесконечные философские беседы, заметил, что они «тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления». Подтвердил это и Плеханов, когда, раскрывая философские взгляды Белинского, писал, что критик в философии искал пути к общественному счастью.

Выступив в «Литературных мечтаниях» как романтик, признавая теоретически господство высшей абсолютной идеи над действительностью, Белинский поставил перед русской общественной мыслью, перед русской художественной литературой задачу постоянно осуществлять стремление к высшему идеалу. Выдвинув идею непрерывного развития, критик указал, что человек по существу своей природы призван решать мировые вопросы, а так как он в своих возможностях ограничен, то достижение высшего идеала под силу только обществу, в котором стремления и деятельность каждого индивидуума сливаются в единое «общее хотение и действие». Однако индивидуумы по характеру своему различны, и, чтобы достигнуть необходимого единодушия, надо воспитывать как отдельного человека, так и общество.

Установив, что все в природе и обществе идет путем непрерывного развития, что это развитие проявляется в мире «борьбой добра со злом», что народы как носители «высшего идеала» должны способствовать торжеству добра, критик обращается к окружающей его действительности крепостнического рабства и несправия. Он питает к этой действительности «дикую вражду», поскольку она являлась полным отрицанием «высшего идеала». Белинский отказывается признать, что существующий самодержавно-крепостнический режим неизлечим. Вглядываясь в историю французской революции, он усматривает там поучительные для себя примеры. Полагаться на то, что все со временем совершится само по себе, путем естественного постепенного развития, он не мог. Он считал, что сознавать социальное зло, понимать несовершенство общества и молчать есть величайшее преступление человека. Белинский поставил вопрос о высоком назначении человека и о его жизненных путях. Критик видел два пути. Один путь это — жизнь, полная животного эгоизма, удовлетворение которого идет за счет крови и слез ближнего. Другой путь он сформулировал в «Литературных мечтаниях» так: «Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри

ногами твое своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага...» (I, 319). Здесь же Белинский заявлял: «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, без действия нет жизни» (I, 320). Совершенно очевидно, что критик, даже в ранний период своего развития, живя идеями романтического героизма, все время обращался к действительности и призывал к революционному действию, хотя еще во имя абстрактного идеала.

Как же человек и народы могут содействовать и облегчать процесс совершенствования общества? Обращаясь к прошлому как русского, так и других народов, особенно же к историческому опыту Франции, к практическим шагам передовых людей французской революции 1789 г., Белинский учится действовать «по-робеспьеровски». Критик видел, что история временами движется очень медленно, временами же ее развитие совершается стремительно и бурно. В годы «Литературных мечтаний» Белинский еще не пытался объяснить причины этой неравномерности, он еще не знал действительных причин развития, но он уже хорошо усвоил идею активного вмешательства человека и народов в судьбы своей страны.

Идейное развитие Белинского с первых его шагов и до самой смерти представляет единый органический процесс, внутренне стройный и последовательный в своем течении, несмотря на бурные, «кризисные» формы своего внешнего проявления. И если уж надо намечать этапы, периоды этого движения, то следует констатировать, что первый период развития продолжался немногим более трех с половиной лет.

В 1838 г. Белинский познакомился с философией Гегеля. Его поразила гегелевская формула: «Что разумно, то действительно, что действительно, то разумно». Критик принял эту формулу в ложном истолковании Бакунина, в том смысле, что всякая действительность разумна, следовательно разумна и русская действительность. С присущей ему «экстремой» Белинский увлекается открывшейся ему новой «истиной». «Действительность! — пишет он Бакунину в 1838 г. — твержу я, вставая и ложась спать, днем и ночью, — и действительность окружает меня; я чувствую ее везде и во всем, даже в себе, в той н о в о й перемене, которая становится заметнее со дня на день» («Письма», I, 229).

В свете новой «истины» разуму уже не принадлежит главенствующая роль. Разум лишь проникает в сущность идеи, познает явления со всех сторон, он «не создает действительности, а сознат ее, предварительно взяв за аксиому, что все, что есть, все то необходимо, и законно, и разумно» (II, 438). Разум не дает оценки эпохам и народам, для него все эпохи «равно велики и важны». Все в жизни — «блаженство и радость, страдание и отчаяние, вера и сомнение, деятельность и бездействие, победа и падение, борьба, раздор и примирение, торжество страстей и торжество духа, самые преступления, как бы они ни были ужасны, — все это для него явления одной и той же действительности, выражающие необходимые моменты духа, или отклонения его от нормальности, вследствие внутренних и внешних причин. Но разум не остается только в этом объективном беспристрастии: признавая все явления духа равно необходимыми, он видит в них бесполезную лестницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно, от земли к небу, и в которой ступени прогрессивно возвышаются одна над другой» (IV, 479).

Конечно, «примирение» с русской действительностью — громадная ошибка Белинского, столь беспощадно и страстно осужденная вскоре им же самим. Но, как прекрасно показал Плеханов, «примирение» с русской действительностью не означало, что Белинский «принял существующий порядок или, тем более, стал его охранителем». Плеханов показал, что и в период «примирения» критик «был ближе к научному пониманию обще-

ственных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев» (имеют в виду народники).

Белинский, как известно, очень скоро понял, что «не все то действительно, что существует в действительности». Гегель признал идеалом прусскую монархию. Белинский же был очень далек от того, чтобы усматривать в монархии идеал русской жизни, для него монархия была только определенным этапом в историческом развитии русского народа и государства. «Гегелева философия, — писал Чернышевский, — вселила в своих русских последователей глубокое сознание, что действительность достойна внимательного изучения, потому, что истина достигается только строгим всесторонним исследованием, а не произвольными умствованиями или сладкими мечтами» (Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Эстетика. Критика. М., 1934, стр. 383). Развивая эту мысль, Плеханов подчеркнул, что «если Белинский в первой фазе своего развития жертвовал действительностью ради идеала, а во второй — идеалом ради действительности, то в третьей и последней фазе он стремился примирить идеал с действительностью посредством и д е и р а з в и т и я, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из «а б с т р а к т н о г о» в к о н к р е т н ы й... Это была великая задача. Пока люди не умеют решать такие задачи, они не могут сознательно влиять на свое собственное и общественное развитие и потому остаются игрушкой случайности. Но, чтобы поставить перед собою эту задачу, нужно было разорвать с а б с т р а к т н ы м идеалом, поняв и почувствовав его полнейшее бессилие. Другими словами: ему надо было пережить момент примирения с действительностью. Вот почему этот момент делает ему величайшую честь. И вот почему он сам впоследствии считал его началом своей духовной жизни» (Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. X, стр. 242—243).

Отстаивая «идею развития» общества, Белинский утверждал: «Необходимость перемен и улучшения должны указываться самими обстоятельствами и при помощи обстоятельств должны совершаться перемены и улучшения». Философия Гегеля была философией «абсолютной истины», и эту идеалистическую философию критик не принял, он отверг ее. Но Белинский не только и не просто отверг Гегеля, он показал при этом, что и сама гегелевская философия есть продукт определенных исторических условий.

В Западной Европе процесс развития общественной мысли шел от Гегеля к неогегельянству, от философии абсолютного идеализма — к философии материализма. Аналогичный процесс происходил и у нас в России. В этом процессе Белинский сыграл величайшую роль. Когда Чернышевский указывал, что русские мыслители самостоятельно, «собственными силами» подвергли всесторонней и глубокой критике гегелевскую философию, он, несомненно, имел в виду, прежде всего, Белинского.

К 1841 г. Белинский окончательно изжил свой идейный кризис, связанный с Гегелем и «примирением». Он писал Боткину 22 января 1841 г.: «Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов ни к... не годится, что лучше умереть, чем помириться с нею... Ты — я знаю — будешь надо мною смеяться, о лысый! — но смейся, как хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (т. е. гегелевской *Allgemeinheit*)» («Письма», II, 213).

Распровавшись с философским филистерством Гегеля, Белинский объявил беспощадную борьбу с действительностью, точнее с теми сторонами действительности, которые он признавал враждебными своим общественным идеалам. Белинский начинает рассматривать действительность не просто как наличествующий в каждый данный момент результат предыдущего органического развития, но диалектически. Он убежден теперь

не только в том, что «все развивается», но и в том, что «умирает и гниет только отжившее, чтобы дать место новому и живому» и что «сегодняшнее — ступень к завтрашнему». Он утверждает, что «нет дурных времен», «ни один век не хуже другого», потому что каждый период является «необходимым моментом в развитии человечества». Но это закрепление Белинского на позициях исторического понимания явлений общественной жизни отнюдь не исключает возможности активного вмешательства человека в ход истории, возможности борьбы с ее отрицательными, враждебными результатами в настоящем. Устанавливая связь человека с общественной средой, критик считает необходимым преодолевать все, что стоит на пути к истине, т. е. высшему идеалу человечества. Он писал: «Истина есть единство противоположностей, и пока человек переживает ее моменты — он бросается из одной крайности в другую, беспрестанно впадает в преувеличение, исключительность и односторонность; но как скоро процесс совершился и различия разрешились в гармоническое единство, то все ограниченные частности улетучиваются в общее, ложь остается за временем, а истина — за разумом. Следовательно, нечего бояться истины, а лучше смотреть ей прямо в глаза, нежели зажимиваться самим и ложные фантастические цвета принимать за действительные. Только робкие и слабые умы страшатся сомнения и исследования. Кто верует в разум и истину, тот не испугается никакого отрицания» (V, 446).

Диалектика Белинского еще содержит в себе элементы идеализма, но основное его философское признание в эту пору уже материалистично: действительность для критика «есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли: наука и искусство... не выдумывают новой и небывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовые материалы, готовые элементы, словом — готовое содержание» и всему этому сообщают прекрасную форму (VI, 12).

Естественно, что перед критиком встали вопросы о более научном и совершенном понимании действительности и о методах борьбы с ее отрицательными сторонами. Белинский начинает уделять преимущественное внимание вопросам общественно-политическим. Он со всей остротой развивает мысль, что поэт не может жить в мечтательном мире, он гражданин современной ему действительности и должен ярче и последовательнее выражать тенденции и устремления этой действительности. Поскольку действительность существует для человека, а человек живет в обществе, вопрос о личности и об отношении ее к обществу становится для критика основной проблемой. Теперь для него личность — не частное выражение общего, а продукт «субстанции общественных отношений». Теперь он ненавидит общее, как «надувателя и палача бедной человеческой личности»... «Все общественные основания нашего времени, — писал Белинский Боткину 15 января 1841 г., — требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности...» («Письма», II, 203). Белинский не хочет, чтобы человек чувствовал себя со «связанными руками», в нем, по его словам, «развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на праве и доблести» (28. VI. 1841. — «Письма», II, 246). Так Белинский пришел к идее социализма.

Социализм для Белинского — необходимая ступень общественного развития. Он в этом убежден со всей страстью своей природы. Он пишет Боткину: «...я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и ре-

шение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию» («Письма», II, 262).

Он доказывает, что общее без индивидуального существует только в мышлении, индивидуальное же не может быть без общества. Развивая эту мысль, Белинский пишет: «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?.. Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству?.. Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его, возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей» («Письма», II, 266).

В этом рассуждении все замечательно. И то, что Белинский решительно отвергает философскую систему Гегеля, и то, что для личности он требует блаженства, и то, что указывает, что блаженство должно быть в самой действительности, в обществе и, наконец, то, что критик выделяет «меньшую братию» и на ней сосредоточивает свое внимание, с ней сливает свои общественные интересы. Он приходит к идее революции и находит подтверждение ее в опыте Франции. Белинский заявляет: «Гегель мечтал о конституционной монархии, как идеале государства — каксе узенькое понятие! Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям... он всегда отделится от них, хоть бы пустым этикетом, ему всегда будут кланяться, хоть для формы... Каковы же французы, которые без немецкой философии поняли то, что немецкая философия еще и теперь не понимает» (цитата приводится по рукописи, так как это письмо вошло в «Письма» Белинского с большими цензурными купюрами. Ср. «Письма», II, 246—247). Белинский «против всех субстанциональных начал, которые связывают волю человека». Он восклицает: «Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон („Каин“) и т. п.». Он заявляет, что «понял и французскую революцию», «понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством, хоть коляскою с гербом». «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» («Письма», II, 246—247). Он убежден, что «смешно и думать, что все это может связаться само собою временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

«Прежде нам была нужна палка Петра Великого, — говорил Белинский, — чтобы дать нам хоть подобие человеческое; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова... Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина — хорошая вещь!» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., «Academia», 1928, 394).

Идея отрицания не была для критика самоцелью, но только средством. Идея разрушения неразрывно связана с творческой идеей; одно без другого не мыслимо, одно дополняет другое; недаром он утверждал, что «человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом, так что высшая точка пережитой им истины в то же время есть уже и точка поворота его от этой истины...» (XII, 336).

Итак, Белинский становится социалистом, революционером, демократом. Его мысль идет тем же путем, что и передовая революционная мысль на Западе.

В 1842 г. Белинский познакомился с философией Фейербаха. Она произвела сильное впечатление на него, как и на Маркса с Энгельсом. У Фейербаха, как философа, есть много достоинств. Когда Ленин читал его сочинения, он на полях делал пометки: «замечательно», «хорошо», «ярко», «здесь видны зачатки исторического материализма». Он считал, что философия Фейербаха отвечала идеалам «передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» («Ленинский сборник», т. XII, стр. 111). В «Сущности христианства» Фейербах убеждал поставить на место всякого абсолюта, всякого божества «свое собственное, человеческое существо и сделать его законом и основанием, целью и масштабом политики и морали». Это полностью совпадает с теми мыслями, к которым пришел сам Белинский в процессе преодоления гегелевской системы. Маркс разъяснил, что «упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья». «Критика неба обращается... в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. I, стр. 399—400). Перевернул Фейербах и понимание самой философии: «Философия — это познание того, что есть. Познавать и мыслить вещи и существа так, как они суть, — вот высший закон, высшая задача философии» (Л. Фейербах, Сочинения. Т. I. ГИЗ, 1923, стр. 66). Наконец, Фейербах разрешил и основную проблему философии об отношении бытия и мышления. Он заявил: «Истинное отношение мышления к бытию такое: бытие — субъект, мышление — предикат». Мышление определяется бытием, а не бытие мышлением. Маркс и Энгельс вскрыли, что Фейербах, будучи материалистом в постановке общих проблем философии, был идеалистом в области общественно-политических вопросов, поскольку он брал и рассматривал человека вне его классовых отношений, отвлеченно от них. И все же Энгельс так вспоминал о своем увлечении «Сущностью христианства» Фейербаха: «Кто не пережил освободительного влияния этой книги, тот не может и представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIV, стр. 642).

Белинский с большим уважением относился к Фейербаху. Но он не стал от этого «фейербахианцем» в полном и точном смысле этого слова. Созерцательному материализму Фейербаха Белинский противопоставляет материализм активный, способный изменять мир. Все внимание критика направлено как раз на ту проблему, которая совсем не интересовала Фейербаха: какими средствами и каким путем человек может оказать свое воздействие на окружающую его действительность и изменить ее в желательном для него направлении? Развивая этот свой взгляд, Белинский писал: «Нельзя, безусловно, думать, чтоб дух или разум только видел себя в природе, а не действовал на нее». А образец действия Белинский видел в движении народных масс: у нас — в восстаниях Разина, Пугачева, в преобразованиях Петра Великого, за границей — во Французской революции 1789 г.

Анализируя романтизм, Белинский еще в 1841 г. предупреждал: «Горькому, кто, соблазненный обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда, в глубь себя...» (VII, 26). Белинский призывал к активной деятельности: «Благо тому, — писал он, — кто не праздно зрителем смотрел на этот океан шумно-несущейся жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно вздымающиеся волны, да мрачную, лишь молниями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «Борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя,

и если не ты — братья твои наслаждаются им...» «Благо тому, кто, не довольствуясь настоящею действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одною мыслию — споспешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала, — рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам, и кто являлся к своим братьям не на одни пиры веселия, но и на плач и сетования...» (XI, 272).

Стремление к преобразованию действительности присуще было Белинскому с самого начала его литературно-критической деятельности, но в разные годы оно выявлялось по-разному и оформилось в ярком революционаризме, когда критик с идеалистических позиций в философии перешел на материалистические.

Известно, что Белинский знал некоторые ранние статьи Маркса и Энгельса, поскольку он читал «Deutsch-Französische Jahrbücher» 1844 г. В экземпляре этого издания, сохранившемся в библиотеке критика, статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права» отмечена знаком №3, а первые абзацы отчеркнуты вертикальной линией. Надо полагать, что Белинский прочел эту статью. Когда же Белинский читал в январской книжке «Отечественных записок» за 1843 г. статью Боткина «Германская литература», он познакомился с энгельсовской критикой философии Шеллинга, поскольку в статье излагалась брошюра Энгельса «Шеллинг и его откровение» (1842 г.). Из признаний самого Белинского известно, что у Маркса Белинскому нравилась критика религии и общественного устройства, а у Энгельса — резкое осуждение Шеллинга. Как относился Белинский к другим взглядам Маркса и Энгельса, например, к экономическим, мы не знаем. Следует также помнить, что в те годы Маркс и Энгельс еще далеко не завершили создания той философии научного коммунизма, которая стала философией пролетариата всего мира.

Некоторые исследователи утверждают, что Белинский в последние годы мыслил, как Маркс и Энгельс. В подтверждение этого тезиса приводится, в частности, аргумент, что «мировоззрение Белинского, как и его младшего современника Маркса, питалось одними и теми же литературными источниками, что должно было приводить того и другого к сходным взглядам» (Н. Л. Бродский. В. Г. Белинский. М., 1946, стр. 64). Очевидно, однако, что ссылка на «литературные источники» и по существу и методологически несостоятельна. Дело не в «литературных источниках», а в реальной исторической действительности Запада и России, а эта действительность была настолько различна, что даже через десяток лет с лишним не дала возможности подняться до Маркса Чернышевскому.

В 1846 г. Анненков познакомился в Марксом, много с ним беседовал. В декабре 1846 г. Маркс написал свое известное письмо по поводу «Системы экономических противоречий» Прудона, основные положения которого легли в основу «Нищеты философии» и «Коммунистического Манифеста», т. е. таких работ, в которых были сформулированы основные незыблемые положения марксизма. Из факта, что Анненков беседовал с Марксом, делается вывод, что Анненков мог многое рассказать Белинскому «о новом течении в истории европейской мысли». Говорится о том, что Белинскому были известны основные положения марксизма в «отточенных формулах» и указывается, что «учение Маркса не вызвало возражений у Белинского». Все это, однако, догадки, в основе которых нет никаких достоверных фактов, а есть лишь одно желание во что бы то ни стало доказать, что в 1847 г., накануне своей смерти, Белинский думал по-марксовски и принимал его основные положения.

Как известно, в начале мая 1847 г. Белинский, уже одержимый смертельным недугом, уехал за границу; друзья предприняли последнюю попытку сохранить жизнь критика. За границей он встретился с Анненковым, но

разговаривали ли они о Марксе — это остается неизвестным. Встречался Белинский с Тургеневым и Герценом, но из их писем и воспоминаний тоже не видно, чтобы они разговаривали с критиком о марксизме. В сентябре Белинский вернулся в Петербург. Если бы он действительно увлекся «отточенными формулами» учения Маркса, он, несомненно, о них говорил бы и писал и спорил со своими друзьями в осень и зиму 1847 г. Писал же он им в Москву относительно многих интересовавших его дел и вопросов. А самое главное, эти «отточенные формулы» не сказались в последней статье Белинского «Обзор русской литературы за 1847 год», не сказались они и в зальцбруннском письме к Гоголю.

Догадки остаются догадками, желания тоже только желания. Уж если делать выводы о принятии «отточенных формул», то нельзя об этом новом вопросе писать в популярной книжке, ограничившись соображениями, не обоснованными достаточно крепко и веско. Если говорить о том, что основные положения марксизма, да еще в «отточенных формулах» вошли в сознание критика, то надо показать это на материале писем и статей самого Белинского или, по крайней мере, попытаться найти обоснование для столь ответственного утверждения в каких-либо свидетельствах современников, а главное нужно поставить вопрос, почему же эти мысли не развили Чернышевский и Добролюбов и не было ли их мировоззрение по отношению к Белинскому шагом назад? Признание же такого разрыва между Белинским и Чернышевским и вообще в ходе развития русской общественной мысли оказалось бы в очевидном противоречии с ленинскими определениями исторического места критика.

Все эти соображения не мешают нам присоединиться к заявлению Плеханова, что «если бы Белинский дожил до нашего времени, то он отдохнул бы, наконец, душою... своими вдохновенными словами приветствовал бы он начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренно позавидовал бы тем счастливым, которые доживут до дня его победы» (Г. В. Плеханов, Сочинения. Т. X, стр. 348). Уверенность Плеханова питалась его оценкой критика: «Главнейший предмет его умственной работы есть отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие самой общественной жизни» (там же, стр. 349).

Если Фейербах в конце своей жизни, в 1870 г., вступил в ряды социал-демократии, то, надо полагать, что Белинский, который уже в 1840-е годы ушел дальше Фейербаха, естественно, должен был бы — проживи он дольше — приветствовать пролетариат, несущий освобождение человечеству.

Давая оценку философским взглядам Чернышевского, Ленин писал: «...Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XIII, стр. 295). Эти ленинские слова вполне применимы и к философским взглядам Белинского.

Чернышевский прекрасно сказал: «Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость... Мысль всецело принадлежит его времени; от его личности зависело только то, удачно ли, сильно ли высказывалась мысль» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 165). Это ни в какой мере не снижало в глазах Чернышевского великого исторического значения критика, которое он раскрыл в своих знаменитых «Очерках гоголевского периода русской литературы». Понимал это прекрасно и Добролюбов, когда писал: «Что бы ни случилось с русской литературой;

как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением... В Белинском... история нашего общественного развития, в нем же и тяжкий, горький, неизгладимый упрек нашему обществу» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1935, стр. 470—471).

III

Белинский начал с утверждения того, что каждый народ проходит определенный путь развития, руководимый высшей абсолютной идеей и выражая какую-либо одну ее сторону. От этой мысли он пришел к идее исторического развития, органического и закономерного. Затем он определил, что условия этой закономерности лежат в самой действительности.

Поскольку Белинский в течение всей своей деятельности утверждал, что каждый народ составляет часть человечества, что национальное ни в какой мере не противоречит общечеловеческому (это он особенно сильно и ярко развил в полемике с В. Майковым), что каждый народ живет не только своим опытом, но и опытом других народов, что в будущем все народы, все человечество придет к более совершенной и счастливой жизни, причем всем народам общ исторический путь развития, — он держался взгляда, что Россия в своем развитии пойдет тем же путем, что и Запад.

В то время как Белинский развивал свою «западническую» мысль (не в том смысле «западническую», что он преклонялся перед культурой Запада, а в смысле общности исторического пути развития России и Запада), выдвигалась другая, совершенно противоположная точка зрения, славянофильская, которая развивала теорию, что Запад сгнил, а Россия цветет, что России нечему учиться у Запада, а наоборот, Запад должен обращаться к России.

В 1841 г. Шевырев напечатал в «Москвитяине» статью «Взгляд русского на современное образование Европы», в которой доказывал, что Запад — это в лучшем случае «человек, носящий в себе злой, заразительный недуг, окруженный атмосферой опасного дыхания». Белинский был вне себя. Статья Шевырева, свидетельствующая о низком уровне исторических знаний автора, в то же время была глубоко реакционной по своим политическим установкам. Белинский свирепо напал на Шевырева (памфлет «Педант»), защищая свою историческую концепцию и обвиняя своего противника в невежестве, в хуле на науку и прогресс.

Как же Белинский представлял себе дальнейшее развитие России и ее судьбы? Он утверждал, что Россия пойдет тем же путем, что и Запад, что она пройдет те же формы государственной жизни, что и Западная Европа. Однако Белинский никогда не думал, что темпы развития России будут те же, что и в Западной Европе, что в России все пойдет точь-в-точь, как там. Да, этапы развития те же, но конкретное содержание, темпы, отдельные моменты могут быть и будут иными. Россия не должна повторять ошибок Запада; учитывая его исторический опыт, она должна пройти свой путь скорее и достигнуть больших результатов.

Говоря в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» о вопросах, решение которых стоит перед русским обществом, которые волнуют его, Белинский, не имея возможности по цензурным условиям назвать вещи своими именами, имеет в виду вопросы о самодержавии, крепостном праве, конституции, парламентаризме и т. п. Тут же он указывает и на то, что эти вопросы, плохо или хорошо разрешенные на Западе, приобретают в русских исторических условиях иной характер и требуют иного решения.

Говоря о социализме, Белинский утверждает, что вопросы, связанные с его практическим осуществлением, неизбежно встанут со временем и перед русским народом, но сейчас «для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы, как наши собственные». «Мы не должны, — заявляет

критик, — походить на Дон-Кихотов, не должны гнаться за тем, что не соответствует нашему состоянию, иначе мы будем смешны». Этими замечаниями Белинский подчеркнул, что перед Россией, в первую очередь, стоит задача буржуазно-демократической революции, а потом уже и социалистической. Это было гениальное указание, в дальнейшем развитое Чернышевским и Добролюбовым и, наконец, русской революционной социал-демократией, Лениным. Белинский очень хорошо понимал, что «настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее» (X, 388). В Западной Европе Белинский видел буржуазию и пролетариат, видел, что там идет ожесточенная классовая борьба эксплуатируемых и угнетенных с господствующими классами. Он превосходно знал, что не менее ожесточенная борьба угнетенных с угнетателями происходит и в России, но понимал, что здесь угнетателями являются, в первую очередь, помещики и самодержавие, как дворянско-помещичья власть, а угнетенными — многомиллионные массы крепостного крестьянства. Отсюда Белинский делал выводы, что поставленные перед Россией всем ходом ее исторического развития неотложные задачи освободительной борьбы были существенно отличны от тех, которые стояли в это время перед Западом. Там шла борьба за расширение и закрепление прав трудящихся, отвоеванных ими в результате нескольких буржуазно-демократических революций; у нас борьба шла только еще за освобождение народа от феодально-крепостнического рабства.

Всматриваясь в историю Западной Европы, Белинский, хотя и не вполне ясно, все же понимал, что развитие Запада обуславливается классовой борьбой. Этой борьбы в таких формах, как на Западе, он не видел в России, да в тех исторических условиях и не мог видеть. Он наблюдал, что классовая борьба развивается в капиталистическом мире с прогрессирующей силой, поэтому вопросы о появлении на арене русской исторической жизни буржуазии, о развитии капитализма в России интересовали и глубоко волновали критика в последние годы его жизни.

Белинский призывал историческую неизбежность наступления фазы буржуазного развития в России. Он понимал также, что капитализм является более высокой стадией развития, чем крепостническое хозяйство, и что вступление страны на этот путь может принести ей новые экономические отношения и новое политическое устройство — конституционно-парламентский строй, который при всех своих недостатках расширит условия и возможности борьбы за конечный идеал — социализм.

Но одновременно Белинский со всей отчетливостью видел, что буржуазия это — «люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах», что владычество капиталистов «мелко, ничтожно, противоречиво», что основная черта буржуазии, которая определяет ее облик, это «страсть к наживе» («Письма», III, 326—329). Яркую и сильную картину современного ему капиталистического общества критик дал в своей рецензии на роман Е. Сю «Парижские тайны». Это была критика капиталистического общества, приближающаяся в известной мере к марксовской критике капитализма. Белинский писал: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на ломоть для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство!..». «Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить

на себя работать; он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники — люди прозаически-положительные. Их любимое правило: в ся к и й у се бя и д л я се бя. Они хотят быть правы по закону гражданскому и не хотят слышать о законах человечества и нравственности... По французской хартии, избирателем и кандидатом может быть только собственник, который с своей недвижимостью платит подати не менее четырехсот франков в год. Следовательно, вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единою каплею крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал...» «Несколько недель, два-три месяца болезни или недостатка в работе, — и бедный пролетарий должен умереть с семейством, если не прибегнуть к преступлению, которое должно повести его на гильотину» (VIII, 471—472).

Обращаясь к политической жизни Англии, Белинский замечает, что когда аристократия изживет себя, утратит свою власть, а на ее место станет средний класс, т. е. буржуазия, — «народ... будет контрбалансировать среднему классу; а не то Англия представит собою, может быть, еще более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция».

Все же, несмотря на эту резкую критику буржуазии и капиталистического строя, несмотря на антибуржуазную критику со стороны Герцена на страницах его «Писем из Avenue Marigny» и лозунг Бакунина: «Избави бог Россию от буржуазии», — Белинский ясно понимал, — и в этом сказалась его гениальность, — что «внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази» («Письма», III, 339).

Когда в 1847 г. появилась книга Луи Блана «История французской революции», критик нашел в ней много интересного и поучительного, но он никак не мог простить автору его непонимания исторической роли буржуазии, и воскликнул: «О, лошади! Буржуази у него еще от сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которую он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух, как глуп — мочи нет!» («Письма», III, 245—246).

Белинский делит буржуазию на крупную и мелкую. К последней он причисляет интеллигенцию, указывая, что эта буржуазия выдвинула замечательных людей типа Робеспьера, Сен-Жюста и других. На крупных же капиталистов Белинский предлагает «нападать, как на чуму и холеру». В декабрьском письме 1847 г. к Боткину Белинский заявляет: «Пока буржуази есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло владычества капитала, в его тирании над трудом. Я согласен, что даже и отверженная порода капиталистов должна иметь свою долю влияния на общественные дела; но горе государству, когда она одна стоит во главе его!» («Письма», III, 331—332).

Как велика была ненависть критика к крупной буржуазии, видно хотя бы из его реплики, что если государственную власть хотят сосредоточить в руках крупной буржуазии, то уж «лучше заменить ее ленивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: в ней скорее можно найти патриотизм, чувство национального достоинства и желание общего блага» («Письма», III, 332).

Со стороны некоторых современников Белинского, а вслед за ними и позднейших историков литературы, были попытки представить дело так, что критик, признав историческую необходимость капитализма в России, отошел от социализма. Не кто иной как Достоевский, который ранее считал Белинского «страстным социалистом», писал потом в своем «Дневнике

писателя): «В Европе он социалист-революционер, а у нас своеобразный консерватор», которого даже «славянофилы могли бы считать... своим самым лучшим другом».

Замечание Достоевского не только враждебно Белинскому, но и насковь ложно, лишено всякой основательности. Действительно, Белинский резко критиковал утопический социализм, но его критиковали и Маркс и Энгельс, а у нас, в сороковые годы, Герцен, Пеграшевский, молодой Салтыков и многие другие. В утопическом социализме Белинский видел много мечты, желаний, фантазии, но мало реальности, мало историчности, мало изучения фактов и причин, их порождавших. Сама идея социалистического общества, братства, равенства людей, идея всеобщего счастья вполне отвечала высшим общественным идеалам критика, и в своих суждениях о будущем он нигде и никогда не отказывался от социализма. Но он отчетливо понимал, что современный ему утопический социализм не знает путей к практическому претворению своих идеалов в действительность, что он не имеет реальной общественной опоры для успешной борьбы за свой идеал. Наивные же надежды иных из утопических социалистов Запада «убедить» правящие классы отказаться от своего господства в пользу угнетенных масс, естественно, вызывали со стороны Белинского лишь насмешку и раздражение.

В своей речи, произнесенной по случаю пятидесятилетия со дня смерти Белинского, Плеханов указывал, что критику «должен был броситься и действительно бросился в глаза этот недостаток <исторической перспективы.— Л. П.—> тогдашнего социализма, и этим объясняются все раздражительные выходы его против социалистов в письмах, относящихся к последним годам его жизни. Его раздражение против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, выросло тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности, или, в противном случае, признать «призраками» даже и тех немногих русских людей, которые были у нас представителями отрицательного направления» (Г. В. Плеханов. Сочинения, Т. X, стр. 343—344).

К этому выводу Плеханова необходимо добавить еще одно соображение: Белинский выступал против утопического социализма в письмах, но он не выступал с критикой его в печати. Не выступал, потому что не хотел подрывать идею социализма в широких кругах общества. Он опасался, что его критику утопического социализма могут принять за критику идеи социализма вообще. Изложить же в печати свое собственное понимание социализма он, в силу цензурных условий, не мог. Все же его статьи последних лет, его мировоззрение, наконец, свидетельские показания современников критика, его друзей и противников и даже ярых врагов, — все это говорит о том, что Белинский поднялся выше утопического социализма. Не достигая уровня социализма Маркса и Энгельса, социализм Белинского был уже социализмом революционным, а не мирным, и в основе его лежала не просветительская вера в разум, в силу мысли и убеждения, а признание законов исторической необходимости.

По воспоминаниям Кавелина, Белинский верил, что «Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос, лучше, нежели Европа».

IV

Свои общественно-исторические взгляды Белинский всегда согласовывал со своими философскими убеждениями. Естественно, все изменения в его философско-исторической концепции должны были отражаться и на его литературных суждениях. Это сказалось, например, в оценке Шилле-

ра, которого Белинский в годы своего увлечения абстрактным героизмом превозносил, в годы «примирения» с действительностью отрицал, а потом снова отдавал ему должное, считая его «благородным адвокатом человечества, яркой зарею счастья».

Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский выставил тезис: «Литература непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа» (I, 318). С этой точки зрения он рассматривает литературу как прошлое, так и настоящего и бросает взгляд в будущее. Эта формула остается руководящей на протяжении всей литературной деятельности критика; меняются его взгляды на искусство, на общественный процесс, на характер идеала, словом, на проблемы, которые наполняют выставленный тезис, но сам тезис остается неизбывным. Ставя вопрос о «внутренней жизни народа», Белинский сразу же отходит от «абсолютного» идеалистического понимания народной сущности. Уже в 1836 г., в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“», он заявляет: «Литература есть народное самосознание, и там, где нет этого самосознания, — там литература есть скороспелый плод или средство к жизни, ремесло известного класса людей. Народность в литературе критик видел «в верности изображения картин русской жизни». А эта «верность» изображения, по его мнению, отнюдь не сводится к этнографически или диалектологически точному описанию одежды, обычаев или языка. Истинная народность художественного произведения требует, чтобы в нем «трепетала идея русской жизни». Народность в поэзии Державина Белинский видит не «в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в гибели ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 339—340). Народность он находит у Крылова, Гоголя и Пушкина, поскольку у всех них «видна практическая философия ума русского». Впоследствии, уходя от абстрактного к конкретному, от идеализма к материализму, Белинский рассматривал «народный дух» в процессе исторического становления и развития. Тем самым вопрос о народности был перенесен из области философии в область истории, а затем и еще уже — в область политики.

Рассматривая каждый народ как члена общечеловеческого общества, Белинский ставит проблему соотношения национального и общечеловеческого и требует, чтобы интересы народа не противоречили требованиям общечеловеческим. Критик указывает, что «поэзия не становится народной оттого, что предметом ее является мужик или жизнь низших слоев общества». Критик иронизирует над теми писателями, которые, желая быть народными, «деревенских старост, богомольных старух представляют образцами нравственности». «Народность, — пишет Белинский, — великое дело и в политической жизни и в литературе; только, подобно всякому истинному понятию, она сама по себе — односторонность и является истинною только в примирении с противоположной ей стороною. Противоположная сторона „народности“ есть „общее“ в смысле „общечеловеческого“. Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества. Человек, существующий вне народной стихии, — призрак; народ, не сознающий себя живым членом в семействе человечества, — не нация, но племя... Без народного характера, без национальной физиономии государство — не живое органическое тело, а механический препарат...» (VI, 307—308).

Отсюда вытекает и понимание задач поэзии. Критик определяет, что источником поэзии является жизнь и что талант не может не выражать определенного момента общественного развития. «Время рифмованных побрякушек прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на место того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме, с рифмами или без рифм — все равно. Для успеха в поэзии, теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие

в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире; он уже гражданин царства современной ему действительности; все прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе, прежде других, открывающего общие боли и скорби и поэтическим воспроизведением исцеляющего их...» (VII, 82—83). «Вполне признавая, что искусство прежде всего должно быть искусством, — заявляет Белинский в другом месте, — мы, тем не менее, думаем, что мысль о каком-то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющем ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало» (XI, 98—99). «В наше время искусство и литература больше чем когда-либо прежде сделались выражением общественных вопросов...» (XI, 99—101). «Искусство благородно взялось служить им в качестве их органа... Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев» (XI, 104).

Белинский убежден, что «свобода творчества легко согласуется со служением современности». Он свирепо нападает на Шевырева за его упреки Пушкину, в «оземлении» поэтом «бесплотной чистоты идей». «Нападать на поэзию за то, что она о з е м л я е т идеи, — все равно, что нападать на математику за то, что она все исчисляет и измеряет. В том-то и состоит сущность поэзии, что она бесплотной идее дает живой, чувственный и прекрасный образ» (VIII, 70).

Когда критик произносил свой литературно-критический суд, свою оценку, он всегда рассматривал художественное произведение в органическом единстве его содержания и формы. В начале литературной деятельности он полагал, в согласии со своими философскими воззрениями, что содержание есть выражение абсолютной идеи. Затем он пришел к выводу, что содержание должно быть конкретно, реально. Он указывает, что художественное произведение воплощает живую действительность, определенную мысль. И наконец, он заявляет, что содержанием художественного произведения является не сюжет, не фабула, а душа этого сюжета, то, чем он живет: «Содержание есть миросозерцание поэта, его личное ощущение собственного пребывания в лоне мира и присутствие мира во внутреннем святилище его духа» (VII, 29). В этом определении уже нет элементов «примирения» с действительностью, тут есть другой, более важный момент, который состоит в том, что поэт, выражая свое пребывание в мире, во-первых, дает отображение этого пребывания, не в смысле точности и верности фактов, а в смысле отображения действительности в ее внутренней сущности; во-вторых, поэт показывает, как действительность воздействует на него, радует или угнетает его; в-третьих, поэт раскрывает, как он реагирует на результаты своего пребывания в мире: если радуется, то к чему эта радость ведет; если мучается, то в чем видит выход и как предполагает осуществить его. Чем поэт талантливее, гениальнее, тем его чувства общезначительнее, т. е. они выражают всеобщее настроение и сильнее действуют на общество.

Если поэзия выражает содержание исторической жизни народа, то само собой понятно, что каждый век находит в ней свое выражение: если жизнь века бедна содержанием — бедна и поэзия, если жизнь века, наоборот, богата — поэзия его богата. Белинский утверждает, что нет в природе поэта, поэзия которого имела бы в себе содержание, еще не выработанное и не приготовленное историей. Всякий поэт впитывает в себя идею времени, готовое содержание и придает ему свою художественную форму, отражая достоинства и недостатки национально-исторической жизни своего народа.

Искусство, таким образом, является объективным отражением действительности. Но эта высшая объективность искусства отнюдь не предъявляет к художнику требования бесстрастия. Наоборот: «бесстрастное разрушает поэзию» (III, 193).

Белинский уделял много внимания вопросу о роли идеи в художественном произведении. В своих литературно-критических оценках он всегда стремился отыскать идею в произведении, о котором шла речь, определяя большую или меньшую ценность этой идеи в зависимости от степени ее близости или отдаленности основному критерию — заботе о благе народа. В этом отношении очень характерно определение критиком содержания поэзии Лермонтова. Закljučая свою статью о его стихотворениях, Белинский пишет: «...мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елеинное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укоры совести, умиленное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком льющиеся в полноте умирного бурею жизни сердца, упоения любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающего самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающей силой рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева — все, все в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов» (VI, 61).

На всех этапах своей деятельности Белинский очень большое внимание уделял и художественной форме. Устанавливая относительность формы, ее историческую изменчивость, критик одновременно подчеркивал, что идея и форма литературного произведения должны быть тесно, органически связаны, слиты в поэтическом единстве. Как непосредственно в чувстве выявляется идея произведения, так непосредственно возникает и форма. Исторические эпохи рождают не только содержание поэтического творчества, но дают и формы. Он заявляет, что современная жизнь «разнообразна, многосложна, дробна». Она должна отразиться в творчестве поэта, как «в граненом, угловатом хрустале», «миллионы раз повторенная во всех возможных образах» (II, 199). Для этого он считает более всего подходящим повесть и роман. Повесть может впитать все, а «форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении общественной жизни» (II, 198).

Форма должна быть оправдана содержанием. Чтобы не произошло несоответствия между формой и содержанием, необходимо, чтобы идея произведения была не только истинна, но и конкретна, потому что только конкретная идея может воплотиться в конкретный поэтический образ. «Мысль в художественном произведении, — утверждает Белинский, — должна быть конкретно слита с формой, т. е. составлять с ней одно, те-

ряться, исчезать в ней, проникать ее всю» (IV, 12). Он находит поэтому, например, что в стихотворениях Веневитинова есть «действительно-идеальное, а не мечтательно-идеальное направление» (VII, 38), в них есть глубокое содержание, но форма их такова, что говорить о Веневитинове следует скорее как о философе, чем как о поэте. Содержание и форма — это душа и тело. Без содержания нет формы, по и одна форма не дает содержания. Форма не внешнее, не средство, а сама идея в чувственном представлении. Если преобладает форма, значит идея произведения не ясна, не конкретна для творящего, поэтому и не получается прекрасной формы. Если преобладает идея, то искусство уклоняется в сферу сознания. «Единосущность идеи с формой так велика в искусстве, что ни ложная идея не может осуществиться в прекрасной форме, ни прекрасная форма быть выражением ложной идеи». Классические образцы конкретного тождества идеи с формой Белинский находит в русской литературе — у Пушкина, в западноевропейской — у Шекспира, утверждая при этом, что «органическое единство и тождество идеи с формой и формы с идеей бывает достоянием только одной гениальности». Критик предупреждает, что «форма не должна быть только удобною рамою». Несоответствие формы и содержания Белинский вскрывает, например, при анализе творчества Виктора Гюго. В творчестве Гюго господствует идея, «которая не связана с формой, как душа с телом, но для которой форма прибирается по прихоти автора». Для него «форма составляется после идеи, вырабатывается отдельно от нее, составляет для нее не живое и органическое тело, с уничтожением которого уничтожается и идея, а одежду, которую можно и надеть, и опять снять, и перекрыть, и перешить, и в которой главное дело, чтобы она была в пору, сидела плотно без складок и морщин» (II, 487).

Обращаясь к современной литературе, Белинский указывал, что в ней «перевес важности содержания над формой» обусловлен характером требований эпохи. Как известно, в первые годы своей деятельности критик особое значение придавал вопросу художественности. Впоследствии он решительным образом изменил свои позиции. В 1847 г. между Белинским и Боткиным завязался спор по поводу «Антон Горемыки» Григоровича. Боткин отказывался признать за этим произведением какие бы то ни было достоинства. Белинский же, напротив, приходил в восторг от повести Григоровича. И Белинский писал Боткину: «Ты, Васенька, сибарит, сластена — тебе, вишь, давай поэзии да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мне поэзии и художественности нужно не больше, как настолько, чтобы повесть была истинна, т. е. не впадала в аллегорию или не отдавала диссертациею. Для меня дело в деле. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатление» («Письма», IV, 324). Критик ценит «Антон Горемыку» именно за нравственное впечатление, за отращение к существующей действительности. «Ни одна русская повесть, — убеждает Белинский своего друга, — не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследство его благородных предков» (там же, 324—325). Исключительно эстетическую точку зрения Белинский признает как односторонность, он говорит о том, что, «как всякая односторонность, <она> всегда доводит до ложных заключений: и потому, при суждении о литературе, кроме эстетической точки зрения, нужна еще и историческая» (VII, 543). С этой точки зрения и Сумароков, и Херасков, и Петров, и многие другие старые поэты «получают полное оправдание и являются в русской литературе именами замечательными и почтенными» (VI, 543), поскольку каждый из них отразил тот или другой момент в развитии русского национального самосознания.

Весьма важной проблемой для Белинского и в теоретическом и в практическом плане явилась проблема соотношения свободы и идейности творчества. Критик полагал, что поэтическое произведение «не должно быть надуманным, сделанным».

Он писал: «Поэт есть раб своего предмета, ибо не властен ни в его выборе, ни в его развитии, ибо не может творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной воле, если не чувствует вдохновения, которое решительно не зависит от него; следовательно, творчество свободно и независимо от лица творящего, которое здесь является столько же страдательным, сколько и действующим. Но от чего же в сознании художника отражается и век, и народ, и собственная его индивидуальность? Отчего же в нем отражается и жизнь, и мнения, и степень образованности художника? Следовательно, творчество зависит от него» (III, 216), следовательно, он не только раб его, но и господин. Белинский был озабочен тем, чтобы, во-первых, поэзия была от начала до конца органична, во-вторых, чтобы она была проникнута глубокой идейностью. Нарушение одного из этих требований художником вызывало самые суровые порицания со стороны Белинского. Как на высокий пример гармонического сочетания идейности и свободы, органичности художественного творчества, Белинский указывал, как сказано, на Пушкина и Шекспира. Очень высоко ставил критик также поэзию Беранже.

«Беранже, — писал он, — есть царь французской поэзии, самое торжественное и свободное ее проявление; в его песне и шутка, и острота, и любовь, и вино, и политика, и между всем этим, как бы внезапно и неожиданно, сверкнет какая-нибудь человеческая мысль, промелькнет глубокое или восторженное чувство, и все это проникнуто веселостью от души, каким-то забвением самого себя в одной минуте, какою-то застойною беззаботливостью, пиршественною беспечностью. У него политика — поэзия, а поэзия — политика, у него жизнь — поэзия, а поэзия — жизнь» (II, 488).

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский дал следующее определение поэту: «поэт прежде всего — человек, потом гражданин своей Земли, сын своего времени. Дух народа и времени на него не могут действовать менее чем на других» (XI, 99).

Чтобы исполнять свое высокое призвание, поэту мало быть талантливым или даже гениальным. Он должен стоять на уровне идей своего века.

Слияние гениальности и образованности в самой натуре поэта является предпосылкой слияния идейности и художественности в его поэзии.

Поэзия есть «изысканная форма истинных идей, верных ощущений». Поэтому поэзия есть сочетание истины и красоты. Красоту нельзя рассматривать, как «средство», как нечто «внешнее искусству», красота в поэзии есть нечто единое с истиной. Истина есть высшая красота, однако красоту нельзя смешивать с идеей «полноты и совершенств жизни». В поэтическом произведении истина и красота сливаются. Одним из верных признаков истинной поэзии является простота вымысла. «Простота есть красота истины» (V, 142). Чем выше поэтический талант, тем проще его создание, тем больше оно принадлежит человечеству. Чем художественнее произведение, тем сильнее оно поражает читателя и полнее выполняет свою социальную функцию. И тут критик снова обращается к вопросу о народности. Понимая народность не в смысле внешности, т. е. сюжета из народной жизни, а в смысле выявления в творчестве «индивидуальности, характерности народа, выражения духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами», — критик полагает, что в истинном художнике народность является его органической природой (II, 354). Мировые гении — народны, народен Пушкин, народен Шекспир. Говоря о народности Пушкина, Белинский писал:

«Что касается до народности собственно поэта, то вам стоит только пристальнее взглянуть в «Онегина», чтобы в мыслях и чувствах самого автора увидеть все элементы народности; чтобы признать, что только русский поэт, и притом в известный момент русской жизни, мог так мыслить и чувствовать и так выражать свои мысли и чувства» (II, 356).

Поскольку критик требовал от художественного произведения истины и красоты, он неизбежно должен был потребовать и потребовал, чтобы поэзия была нравственна. Наконец, критик требует от поэта оригинальности: «Поэт должен быть оригинален, сам не зная как, и если должен о чем-нибудь заботиться, так это не об оригинальности, а об истине выражения; оригинальность придет сама собой, если в таланте поэта есть гениальность. Истинная оригинальность в изобретении и в форме возможна только при верности поэта действительности и истине» (X, 285).

Как известно, в эпоху Белинского велась ожесточенная борьба между классицизмом и романтизмом, а затем между романтизмом и реализмом. Критик прекрасно понимал, что литературные стили и формы возникают не случайно, но он также хорошо сознавал, что они и изживают себя, что на смену одним литературным стилям и формам приходят другие. С этой точки зрения Белинский смотрел на классицизм, оценивая его как явление устаревшее, отжившее. Теории классицизма он называл «тухлым пузырем». Классицизм как литературное явление изжил себя. В его омертвевшие, застывшие формы, в которых когда-то находила свое наивысшее гармоническое выражение античная жизнь, жизнь греков и римлян, уже не укладывается содержание текущей действительности.

К романтизму Белинский подошел также исторически. Касаясь романтизма средних веков, критик заявлял, что в нем все земное отрицалось, как ложь; все неведомое, все таинственное, потустороннее признавалось истиной. «Смерть была жизнью, а жизнь — смертью. Безумие было высшею мудростью, а мудростью — буйством» (XI, 237). Ничего положительного для человеческой личности в этом романтизме не содержалось.

Много внимания Белинский уделял современному ему романтизму. В своих статьях о Пушкине Белинский так характеризует романтизм Жуковского: «Это — желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченному счастью, которое бог знает в чем состояло; это — мир, чуждый всякой действительности, населенный тенями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тем не менее не уловимыми» (XI, 258). Но тут же критик указывает, что «...есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца — мир исторического созерцания и общественной деятельности, — тот великий мир, где мысль становится делом, и высокое чувство — подвигом, где два противоположные берега жизни — здесь и там — сливаются в одно реальное небо исторического прогресса, исторического бессмертия... Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы...» (XI, 272).

Это совсем не означает того, что Белинский не признает никаких заслуг за Жуковским. Он не один раз говорил о его больших заслугах перед русской литературой, но видел эти заслуги в прошлом, а не в настоящем. Для Белинского поэзия Жуковского была важной ступенью в развитии русской литературы, но ступенью уже пройденной. Русский романтизм, главным образом в лице Жуковского, разрушал ложно-классические формы поэзии и тем самым расчищал дорогу Пушкину.

Белинский боролся не только с романтизмом Жуковского, но и с романтизмом Байрона. «Могучий гений, — писал он об английском поэте, — на свое горе, заглянул вперед, — и, не рассмотрев, за мерцающею далью, обетованной земли будущего, он проклял настоящее и объявил ему враж-

ду непримиримую и вечную; нося в груди своей страдания миллионов, он любил человечество, но презирал и ненавидел людей, между которыми видел себя одиноким и отверженным, с своею гордою борьбою, с своею бессмертною скорбью...» (VIII, 8).

Критик писал: «Горе тому, кто, соблазнившись обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда, вглубь себя, чтобы питаться блаженством страдания» и «блага тому, кто, не довольствуясь настоящею действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одною мыслию — споспешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала, — рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам...» (XI, 272).

Романтизм, как и классицизм, критик считает явлением умершим. «Истинной и настоящей поэзией нашего времени» критик признает реальную поэзию, родоначальником которой он считает Шекспира. Белинский был великим борцом за реалистическое искусство. Критик восхищается Гоголем за то, что тот показывает «совершенную истину жизни», «не льстит жизни, но и не клеветает на нее». Гоголя Белинский ставит во главе русской литературы того времени.

Теория реализма Белинского опиралась на его материалистическую философию. Как материалист Белинский считал, что люди сами делают свою историю. Но для того чтобы правильно делать ее, они должны хорошо разбираться в окружающей их действительности. Тут-то и выступает великая роль литературы и именно реалистической литературы.

Старая школа требовала от искусства возвышенного, благородного, высокого. Когда она увидела, что писатели «натуральной школы» изображают людей низших слоев общества — мужиков, извозчиков, дворников, изображают столичные трущобы, где ютятся обездоленные, голодные, нищие и часто просто преступники, — она сочла это за нарушение основного требования искусства — быть всегда возвышенным в своих отвлеченных идеалах. В темных сторонах русской жизни, поданных ярко, выразительно и с огромной силой, старая школа увидела клевету на Россию, оскорбление народа. Белинский доказал, что Гоголь и писатели «натуральной школы» правы. Критик отводит упреки относительно будто бы излишнего увлечения изображением простых людей, указывая, что и старая литература обращалась к крестьянству. Бедная Лиза — крестьянка, только Карамзин сделал ее благовоспитанной барышней. Бедность тоже фигурирует в старой литературе, только опять-таки эта бедность благообразная, скромная, тихая, а не голодная, грязная, буйная и даже преступная. Белинский против прикрашивания действительности, он не хочет, чтобы литература лгала, вводила в обман, сеяла иллюзии относительно того, что людям живется хорошо. Он против того, чтобы действительность превращалась в фантастическую увлекательную картину. «Натуральная школа» тем именно и значительна, что она чужда обмана, и, показывая подлинное лицо жизни, толкает людей на путь борьбы с гнусной действительностью. Белинский протестует против той литературы, которая объективно усыпляет общество, хотя бы она субъективно и не ставила перед собой этой задачи. Наконец, критик спрашивает: «а разве мужик — не человек, разве его душа, его радости и печали, его любовь и ненависть, его взгляды на вещи, его отношение к обществу не представляют глубокого интереса?» (XI, 95).

Расправившись со старой школой изящного и романтического, Белинский дает развернутую характеристику русского реализма того времени. В статье «Русская литература в 1843 году» Белинский писал: «Можно сказать без преувеличения, что Гоголь сделал в русской романтической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии» (VIII, 396). «Гоголь убил два

ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разруганному актеру, и потом — сатирический дидактизм» (XI, 91). «Теперь и великие и малые таланты, и посредственность и бездарность — все стремятся изображать действительных, не воображаемых людей; но так как действительные люди обитают на земле и в обществе, а не на воздухе, не в облаках, где живут одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вместе с людьми, изображают и общество. Общество также — нечто действительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляют не одни костюмы и прическа, но и нравы, обычаи, понятия, отношения и т. д. Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе мыслей, и в образе своего действия. Писатели нашего времени не могут не понимать этой простой, очевидной истины и потому, изображая человека, они стараются вникать в причины, отчего он таков, или не таков и т. д. Вследствие этого, естественно, они изображают не частные достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдельно взятому, но явления общие» (XI, 400). «Если ваша картина будет верна — ее поймут без ваших рассуждений. Вы были только художником и хлопотали из того, чтобы нарисовать вознившую в вашей фантазии картину, как осуществление возможности, скрывавшейся в самой действительности; и кто ни посмотрит на эту картину, всякий, пораженный ее истинностью, и лучше п о ч у в с т в у е т и с о з н а е т сам все то, что вы стали бы толковать и что никто не захотел от вас слушать... Только берите содержание для ваших картин в окружающей вас действительности и не украшайте, не перестраивайте ее, а изображайте ее такую, какова она есть на самом деле, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закоптелые очки морали, которая была истинна во время оно, а теперь превратилась в общие места, многими повторяемые, но уже никого не убеждающие. Идеалы скрываются в действительности; они — произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеалы — не снимок с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления. Фантазия есть только одна из главнейших способностей, уславливающих поэта; но она одна не составляет поэта; ему нужен еще глубокий ум, открывающий идею в факте, общее значение в частном явлении. Поэты, которые опираются на одну фантазию, всегда ищут содержания своих произведений за тридевять земель в тридесятом царстве или в отдаленной древности; поэты, вместе с творческою фантазиею обладающие и глубоким умом, находят свои идеалы вокруг себя. И люди дивятся, как можно с такими малыми средствами сделать так много, из таких простых материалов построить такое прекрасное здание...» (VIII, 406). Критик указывает, что идеалы реалистического искусства лежат в самой действительности, окружающей нас. Поэтому задачи писателя не ограничиваются тем, чтобы давать правдивые картины действительности. Важнейшая и главнейшая его задача состоит в том, чтобы в пестроте, яркости и многосложности жизненных явлений отыскать то новое, что идет на смену старому и чему принадлежит будущее. Словом, реалистическое искусство, целиком опираясь на жизнь, диалектически ее толкуя, в ней же и открывает общественный идеал.

Исходя из той программы, которую Белинский наметил для реалистического искусства, он сформулировал задачи, стоящие перед научной критикой. Свою «Речь о критике» Белинский начинает с такого заявления: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит к р и т и к е, даже сама к р и т и к а. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание, но оно действует так не в смысле и духе прошедшего века, который, почти до конца своего, умел только разрушать, не умея созидать, напротив, наше время

алчет убеждений, томится голодом истины» (VII, 294). Если художественная литература должна была показать русскую жизнь такой, какой бы она была, и в то же время нарисовать общественный идеал, то критика обязана была всячески помочь литературе.

Белинский требует от критика быть «гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины». Критика должна быть строго научной и строго принципиальной. Критик должен исходить из того, что представлено писателем. Критик обязан учитывать особенности таланта каждого писателя и, основываясь на этом, давать оценки его произведениям. Вместе с тем в обязанность критика входит установление того, чего нехватает данному писателю, в чем он отстает от своего времени, какие пробелы имеются в его мировоззрении. Устанавливая это, критик помогает писателю в росте и укреплении его мировоззрения, в совершенствовании его мастерства, в расширении границ его творчества. У критика и писателя одна и та же задача — служение своему народу, своей эпохе. Они только разными средствами решают ее, эту задачу. Они ходят в постоянном и живом взаимодействии, помогая один другому. Критика и литература являются продуктом одних и тех же исторических условий. «То и другое — равно сознание эпохи; но критика есть сознание философское, а искусство — сознание непосредственное. Содержание того и другого — одно и то же; разница только в форме» (VII, 298).

Белинский развенчивает уклончивую, робкую критику, которая безмерно осторожна, свои суждения обставляет многочисленными оговорками, приравнивает их к существующему мнению, боясь высказать свой взгляд. Белинский настаивает на критике прямой, смелой, которая не боится повергать в прах «старые кумиры», старые вкусы и теории, и выдвигать свежее и новое. Белинский стоит за критику, которая не боится порицать и хвалить. Но при всей прямоте и смелости критика не должна быть «резка, нагла, нахальна», приписывать автору то, чего у него нет, или искажать его суждения.

Белинский настойчиво подчеркивал: критик должен сознавать, что критика — занятие весьма трудное и ответственное, им нельзя заниматься между прочим, время от времени, давая случайную статейку, чтобы увеличить свой бюджет. Критик — руководитель в своей области, критика должна быть его основным занятием, она должна быть его любовью, его страстью, его натурой. Критик должен не только суметь объяснить и вскрыть существо художественного произведения, но и показать, почему оно могло появиться, он должен уметь объяснить различные суждения о том или ином произведении или писателе.

.....